

4. Книжная серия «Итоги века. Взгляд из России». – URL: <http://fantlab.ru/series507> (дата обращения – 31.03.2015 г.).
5. *Тамарченко Н. Д.* Фантастика авантюрно-философская // Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий. – М. : Издательство Кулагиной; Intrada, 2008 – С. 277–278.
6. *Тамарченко Н. Д.* Русская повесть Серебряного века (Проблемы поэтики сюжета и жанра). М. :Intrada, 2007. – 256 с.
7. Фантастика века / Сост. Вл. Гаков. – М. ; Минск : «Полифакт», 1999. – с. 12. – (Итоги века. Взгляд из России).

Ю. С. Подлубнова
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург

«ПОГРАНИЧНЫЙ МИФ» ЕКАТЕРИНБУРГА: ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВОПЛОЩЕНИЯ³

Аннотация: статья рассматривает пограничное положение Урала и Екатеринбурга, позиционирующегося как его столица, как несомненный мифогенный фактор. «Пограничный миф» востребован в целом ряде литературных произведений, среди которых повесть «Детство Люверс» Б. Пастернака, рассказы Н. Никитина, роман «Урал атакует» В. Молотова, книга «Ёбург» А. Иванова и др. «Пограничный миф» Екатеринбурга напрямую связан с геополитическими и мистическими концепциями, которые разделяют и воплощают авторы произведений, он порождает сюжеты про схватку Запада и Востока или образы иного, таинственного Екатеринбурга, просвечивающего сквозь «реальный» город.

Ключевые слова: Урал, Екатеринбург, пограничье, литература, геополитика, геопоэтика, Восток, Запад

“BOUNDARY MYTH” OF YEKATERINBURG IN RUSSIAN LITERATURE

Abstract: the article considers boundary position of the Urals and Yekaterinburg presented as its capital as an apparent myth generating factor. The “boundary myth” is demanded in some literary works, among which are "The Childhood of Luvers" by B. Pasternak, N. Nikitin's stories,

³ Формирование национальных художественных систем пермских литератур в социокультурном ландшафте России конца XIX – первой половины XX вв.

the novel "The Urals Attack" by V. Molotov, the book "Yoburg" by A. Ivanov, etc. This myth is directly connected with geopolitical and mystical concepts shared and embodied by the authors, it generates the plots about the fight of the West and East or images of mysterious Yekaterinburg, seen through the "real" city.

Key words: Ural, Yekaterinburg, boundary, literature, geopolitics, geopoetics, East, West

Разговор о «пограничном мифе», во многом определяющем образ места, в данном случае – образ города Екатеринбурга, возник не случайно, он напрямую связан с географическим положением Урала и его смысловой оси – Уральских гор, издревле осознающемся как пограничное. К. В. Анисимов пишет, что уже к XVIII в. сложилась мощная традиция осмысления Рифейских гор как границы между Европой и Азией [Анисимов, 2006]. Во-первых, Уральский хребет был научно признан естественным рубежом между этими частями света (труды Ф. А. Полунина, С. И. Плещеева, И. П. Фалька, Г. Е. Щуровского и др.)⁴. Во-вторых, пограничность в трудах путешественников не сводилась лишь к географической специфике региона, она представляла как явление социокультурного и даже цивилизационного порядка, когда Европа и Азия рассматривались как две полярные по отношению друг к другу цивилизационные модели, взаимодействующие, но практически не пересекающиеся миры, кардинально разные образы мышления. Рубежность Уральского региона, расположенного на стыке культур, стала в этом плане серьезным мифогенным фактором, а Екатеринбург, который чуть ли не со дня основания имел амбиции столицы Урала, неизбежно вмещал в себя всю специфику региона – в том числе и коннотации пограничья. Думается, показательны в этом отношении современные попытки передвинуть границу Европы/Азии как можно ближе к городу, точнее

⁴Например: Полунин Ф. А. Географический лексикон Российского государства. СПб., 1773; Плещеев С. И. Обозрение Российской Империи в нынешнем ее новом устроенном состоянии, с показанием новоприсоединенных к России от Порты Оттоманской, и от Речи Посполитой Польской областей. СПб., 1793; Фальк И. П. Записки путешествия академика Фалька. СПб., 1824; Щуровский Г. Е. Уральский хребет в физико-географическом, геогностическом и минералогическом отношениях. М., 1841.

даже не саму границу, что, разумеется, невозможно, а ее символическое выражение – столб. Как результат, сегодняшние три столба: старый – недалеко от Первоуральска, еще один старый – практически рядом – на горе Березовой, и совсем новый, декоративный, находящийся на 17 км Ново-Московского тракта, сознательно приближенный к Екатеринбургу и часто принимаемый невзыскательными туристами за указующий на искомую границу.

Таким образом, пограничное положение региона и Екатеринбург прочно соотносились друг с другом, что, несомненно, влияло на формирование образа города и порождало соответствующие культурные отклики. Разумеется, пограничность не была единственным фактором, определяющим лицо города. Например, Д. Н. Мамин-Сибиряк в историческом очерке «Город Екатеринбург» (1888) проговаривает принципиальные смыслы, позиционируя его как город-крепость и город горнозаводский и только походя упоминая впечатления путешественников Реклю и Аткинсона, увидевших настоящий европейский город на самом краю западной цивилизации. Однако интуитивно уральский писатель все же ощущает определенную дуальную природу Екатеринбурга и выражает эти ощущения, противопоставляя, например, отцов-основателей Екатеринбурга: узкого профессионала европейца де Генина и всестороннего Татищева, или же отмечая, что город, живущий по собственному уставу, являющий собой весьма военизированную картину, выбивается из привычного для уральского, тем более российского крестьянства образа жизни, привнося в окружающую действительность определенный цивилизаторский заряд, устанавливая некие рамки, которыми славятся, например, немецкие города, что вновь напоминает о европейскости Екатеринбурга, несмотря на его географически азиатское положение [Мамин-Сибиряк, 1951].

Самым ярким литературным воплощением «пограничного мифа», присвоенного Екатеринбургом, стали эпизоды повести «Детство Люверс» (1922) Б. Пастернака, написанной по уральским впечатлениям поэта. Согласно сюжету повести, семья Жени Люверс переезжает из Перми в Екатеринбург. Еще в поезде девочка захвачена сильнейшим

переживанием, связанным с пересечением границы Европы/Азии. «В очарованной ее голове “граница Азии” встала в виде фантазмагорического какого-то рубежа <...> Она ждала этого столба, как поднятия занавеса над первым актом географической трагедии, о которой слышалась сказок от видевших, торжественно волнуясь тем, что и она попала, и вот скоро увидит сама.

А меж тем то, что раньше понудило ее уйти в купе к старшим, однообразно продолжалось: серому ольшанику, которым полчаса назад пошла дорога, не предвиделось скончания, и природа к тому, что ее в скорости ожидало, не готовилась. Женя досадовала на скучную, пыльную Европу, мешкотно отдалявшую наступление чуда. Как же опешила она, когда, словно на Сережин неистовый крик, мимо окна мелькнуло и стало боком к ним и побежало прочь что-то вроде могильного памятника, унося на себе в ольху от гнавшейся за ним ольхи долгожданное сказочное название! в это мгновение множество голов, как по уговору, сунулось из окон всех классов и тучей пыли несшийся под уклон поезд оживился. За Азией давно уже числился не один десяток прогонов, а все еще трепетали платки на летевших головах, и переглядывались люди, и были гладкие и обросшие бородой, и летели все, в облаках крутившегося песку, летели и летели мимо все той же пыльной, еще недавно европейской, уже давно азиатской ольхи» [Пастернак, 2004: 47].

Граница Европы и Азии здесь не столько имеет географическое значение, сколько символизирует психологический рубеж, преодоленный Женей на пути к взрослению, подразумевающий утрату очередной иллюзии детства. Граница в таком случае приобретает мифопоэтическое значение, о котором точно пишет Е. Фарыно: «Есть определенное место, определенное пространство, где героиня должна измениться, стать другой Женей Люверс из-за того, что она перемещается в другое пространство» [Фарыно, 2008: 106].

Важны в тексте Б. Пастернака и коннотации, окружившие появление Азии, точнее, вторжение в нее. Если Европа воспринимается девочкой как изведенное пространство, скучное и пыльное, то Азия, напротив, предстает чем-то сказочным и фантазмагоричным. Автор «Детства Лю-

верс» идет вразрез с эсхатологическими предчувствиями символистов, исполненных ужаса и восторга перед ордами азиатских племен, и выступает как человек, не раз пересекавший границу материков и не нашедший, по крайней мере в пространстве Урала, той страшущей Азии, гибель от которой предвещали символисты. Потому Пастернак наделяет Женю Люверс, едущую в поезде, скорее, романтическим взглядом, когда Восток предстает в виде экзотических ландшафтов и подразумевает особый сказочный колорит. Но и этот взгляд оказывается несостоятельным перед реальностью «азиатского» Екатеринбурга, так похожего, по словам поселившейся здесь семьи Люверсов, на Париж. Пожалуй, только наличие большого количества китайцев с бледными землистыми лицами (которые свидетельствуют об их низком социальном статусе в городе, особенно в сравнении с безусловными хозяевами жизни концессионерами бельгийцами) выдает азиатскость Екатеринбурга, которая более в тексте не акцентируется.

Иное понимание соотношения европейского и азиатского в регионе находим у писателей 1920-х, отстаивающих в своем творчестве идеи революции. Так, например, азиатскость Екатеринбурга в текстах Н. Никитина также проявляется через природно-климатические и социальные характеристики. Пыль в рассказе «25-го июля 1918 года», запленившая Екатеринбург, является тем самым «субстратным элементом природной сферы» (В. Н. Топоров), который отчетливо указывает на азиатское местоположение города и роднит его со степями и пустынями. «И на чугуने решетки, что выходит на воду пруда – пыль, и на губах рабочих караулов, где губы как из чугуна, тоже пыль. Эта пыль мелкой лентой бьется за колесами обозов. <...> Проклятое солнце льет звонкое, тягучее, как слизь, и тяжелое золото на дома, но дома – многие в ставнях, туго закрыты двери. Город закупорен этими домами. <...> Еще серее ложится пыль на губы» [Никитин, 1923: 10]. Над пропитавшемся пылью городом кружит и кричит большая черная птица, провозвестница беды и еще один природный символ, вписывающий город в азиатские ландшафты.

Палящее солнце и повсеместная пыль маркируют катастрофу красных, вынужденных покинуть город, отступить перед армией Колчака.

Азиатское в природном смысле становится синонимом опасному для человека, губительному, хотя это губительное актуализируется только тогда, когда свершается катастрофа в социуме.

Н. Никитин противопоставляет европейское и азиатское и в социальном плане. В том же рассказе «25-го июля 1918 года» один из действующих лиц китаец Лю-И-Сан, дурно пахнущий и варящий суп из мышей, помогает красному партизану Антону Черняку спастись от колчаковцев. Китаец, находящийся где-то внизу социальной пирамиды, по всей видимости, симпатизирует красным и относится к лагерю «своих» для Черняка и для сочувствующего партизану писателя. На фоне дурных поступков европейских интервентов (чехов, французов, итальянцев), китаец выглядит по-настоящему человечно. Европеизированный мир колчаковцев, в представлении Н. Никитина, не имеет твердой нравственной основы и потому обречен на гибель. Революция с ее интернациональным идеалом должна снять социальное противостояние в городе, вместе с которым автоматически перестает быть актуальной и социальная оппозиция «Европа/Азия».

Именно в связи с политикой объединения земель и регионов, проводимой советской властью под эгидой идей интернационализма, уральский «пограничный миф» уже к середине 1920-х гг. отходит в литературе на второй план, значительно уступая горнозаводским коннотациям, которые к концу 1920-х гг. получают качественные преобразования и актуализируют производственный потенциал региона со всеми вытекающими отсюда образно-смысловыми особенностями.

Противопоставление цивилизационных векторов Европы и Азии, сошедшихся в некоей точке силы, актуализировалось лишь в постсоветский период с его поисками региональной идентичности и обновлением смысловых полей региональных топосов, освобожденных от догматических схем. Это привело к появлению на Урале целого ряда художественных произведений, в которых в той или иной степени стала вновь востребована пограничная мифология региона.

Новая культурная реальность неизбежно трансформировала прежний миф, выделив в нем, возможно, изначально не совсем характерные

аспекты. В частности, наиболее интересным примером адаптации «пограничного мифа» в массовой литературе является роман тюменского писателя Владимира Молотова (наст. фамилия Молотиллов⁵) «Урал атакует» (2011), написанный в жанре шпионского романа с элементами постапокалиптики.

Цивилизационные смыслы в книге В. Молотова уступают место геополитике. По сюжету, после мирового экономического кризиса разражается ядерная война, уничтожившая Москву и несколько крупных городов европейской части России. Страна распадается на отдельные государства, часть которых управляется западными врагами во главе с Америкой, часть – восточными во главе с Китаем. Уральская Независимая Республика, она же УНР со столичным Екатеринбургом, осознающая своей миссией возрождение России и разрабатывающая новое сверхмощное оружие, является форпостом китайской части распавшейся страны. Именно она становится территорией новой битвы, в которой решающим фактором выступает отнюдь не наличие у враждующих сторон физической силы, а умение переигрывать противника [Молотов, 2011].

Занимателен в романе, впрочем, не сюжет, вполне предсказуемый и ходульный, а картина мира и обслуживающие ее исторические и культурные реалии. В основу романа положена современная политическая концепция, позиционирующая Запад как врага России и Китай как себе на уме, но все-таки друга. В терминах первой половины 2010-х гг. эта концепция является патриотической и явно коррелирует с внешнеполитической доктриной российской власти. Однако в романе данная концепция вступает в противоречие с фактом создания в самом центре России, пусть и распавшейся в результате ядерной войны, независимого государства УНР, и аббревиатура его в свете политических событий 2014–2015 г. получает нежелательные аллюзии. Очевидно, что автор реанимирует идею создания Уральской республики, возникшую в 1990-е гг. в Екатеринбурге и проигнорированную президентом Ельциным, выбравшим в качестве приоритета сохранение целостной цен-

⁵ См. информацию о писателе на его персональном сайте: <http://www.molotov.okis.ru/about.html>.

трализованной страны. В контексте политической ситуации той же первой половины 2010-х гг. идея УНР носит, скорее, антигосударственный характер, что в значительной степени дезавуирует патриотический пафос произведения В. Молотова. Тем не менее, показательно, что оплотом российскости в романе выбран Урал, регион по-прежнему индустриальный и многонациональный, во многом оправдывающий репутацию «опорного края державы», ее оси и своеобразного центра.

Столицей УНР в романе является Екатеринбург, представленный как военизированный город, управляемый силовиками во главе с комитетом безопасности. Автор актуализирует образ города-крепости (вспомним очерк Мамина-Сибиряка) и города, распространяющего свое влияние на окружающие территории. Екатеринбург выступает центром силы, цивилизационные возможности которого потенциально скрыты, хотя и заявляются через формулирование миссии – возрождения российской цивилизации, опирающейся на «светлое российское прошлое» с сильным президентом и эффективным РОСНАНО. Светлое прошлое в романе программирует светлое будущее, за которое Урал должен бороться, чем объясняется название книги, заставляющей вспомнить стилистику 1940-х. Создавая постапокалиптическую картину мира, писатель прибегает к традиционному набору мифов, которые позволяют реанимировать узнаваемое прошлое в непредсказуемом будущем, в том числе к пограничному мифу, наиболее значимому в данном случае.

Осознание Екатеринбурга как места силы – отнюдь не новаторство В. Молотова. Более известный писатель А. Иванов прибегает к подобной же концепции, хотя и осмысленной в ином ключе. В его книге 2014 года «Ёбург» Екатеринбург определяется как экспериментальная площадка перестроечного и постперестроечного времени, на опыт которой смотрела вся страна. «Удивительно, что решения Ёбурга часто оказывались более остроумными или более адекватными, чем решения Москвы или решения российской провинции. Вот по этим причинам опыт уже ушедшего от нас Ёбурга общезначим для нации» [Иванов, 2014: 574]. Продемонстрированное смещение центра – с Москвы на Урал – также косвенно задействует «пограничный миф», присущий региону и городу,

поскольку пограничье позволяет рассматривать себя как точку схождения равнонаправленных цивилизационных векторов, точку сборки, а стало быть, и центр с его идеей централизации окружающего пространства. Пограничное положение Урала в этом смысле является залогом его силы.

«Пограничный миф» актуализируется в современной литературе и в несколько ином качестве, вне определенных геополитических интенций. Граница Европы/Азии в таких смысловых построениях, как правило, отходит на второй план, уступая место мистическим коннотациям, программирующим ситуацию, когда город принимает на себя функции портала, связующего миры: условный реальный и некий потусторонний. Региональная специфика, явно утрачиваемая из-за редукции географических компонентов мифа, компенсируется за счет потенциала исторических реалий, фольклорных и литературных образов. И здесь можно говорить о двух Екатеринбургах и образе иного Екатеринбурга, не столько реальном, сколько мифологическом, но при этом не менее, а иногда и более убедительном, чем реальный.

Так, например, в историко-мистическом романе О. Батталова и С. Петрова «Не буди» (первая часть – 1999) в Екатеринбург помещается портал, через который пытаются вырваться посланцы ада [Батталов, Петров, 1999]. Зло напрямую влияет на российскую историю и на историю города, выделяя его на фоне других городов страны и даже мира, невольно придавая ему статус столицы зла. Скажем, ярким примером схождения истории и географии в романе является убийство Николая Романова и его семьи в Ипатьевском особняке (глава 98, опубликованная пока только в интернете). После расстрела Юровский изображает на стене комнаты каббалистические знаки, утверждающие, что «Здесь по приказанию тайных сил русский царь был принесен в жертву для разрушения Русского государства. О сем извещаются все народы»⁶. Над кровавым местом витает Асмодей, и силы зла ликуют от того, что наступает время их правления. Екатеринбург как медиатор между мирами транслирует зло далеко за пределы региона и страны.

⁶ <http://www.proza.ru/2014/11/20/1169>.

Массовая литература умело помещает региональные смыслы в схемы востребованных жанров, очищая идею пограничности от каких-либо дополнительных, отвлекающих читателя смыслов, укрупняя и трансформируя ее. Пограничный миф в таком случае становится наглядным – борьба полярных сил – сюжетообразующим фактором.

В литературе немассовой «пограничный миф» функционирует несколько иначе. К примеру, не избежала екатеринбургцентричности и О. Славникова. Известно, что до романа «2017» в ее текстах присутствовал условный провинциальный российский город, в некоторых моментах напоминающий Екатеринбург, но никак не обозначенный специальным образом. В очерке «Верхний и нижний пейзажи Екатеринбурга» писательница признавалась: «Что касается Екатеринбурга, то с городом тоже не все в порядке. Гений этого места лукавит и ускользает: “материальная среда” очень плохо поддается описанию и переносу в художественный текст. Сопротивление материала таково, что как только прозаик пытается заключить в слова некий реальный объект, так последний начинает “путать показания”, либо тихо испаряется, либо предстает невыносимо скучным, недалеко ушедшим по жизни от своих проектных чертежей» [Славникова]. Однако в романе «2017» (2006) Екатеринбург, который по-прежнему не называется своим именем, имеет существенно большее количество узнаваемых примет, что не раз отмечалось в исследованиях [Алексеева, 2008]. Образ города в романе нельзя назвать одномерным и односоставным: к реальному его топографическому и объектному облику добавляются фантастические детали (действие происходит в относительном будущем, если смотреть из 2006 года), здесь же актуализируется и иное измерение, мифологическое, связанное с миром бажовских горных духов.

Каменная Девка, определяющая судьбы героев, – реальная хозяйка Екатеринбурга. Ее аутентичный мир скрыт для героев, даже для тех, кто идет за пределы города и ищет в уральских горах и лесах корундовую жилу, зато она сама появляется в их «реальном» мире, когда заблагорассудится – то в виде интеллигентной дачницы, испачканной ягодами и раздавленными комарами, то в виде буфетчицы на полустанке

с обесцвеченной копной волос на голове, то в виде пятнадцатилетней девчонки в свободной майке – в любом женском облике, привычном миру людей. Хозяйка привораживает человека, заставляет полюбить себя, манипулирует им, но все равно когда-нибудь обманывает [Славникова, 2006]. Мир духов, как и в романе О. Батталова и С. Петрова, у О. Славниковой вторгается в мир людей, определяет его событийность, но это вторжение не влияет каким-либо образом на историю, и даже революция, начавшаяся в городе в 2017 году, случается помимо духов и к тому же выглядит как явление более локальное, чем глобальное.

Идея перемещения столичного центра на Урал не владеет О. Славниковой, как она владеет А. Ивановым. Исследователи романа отмечают, что «провинция противостоит Центру, ее таинственность происходит от невыраженности, а описание ее мистической мощи есть символическое предупреждение...» [Бучельникова, Литовская, 2008: 339]. Пограничность Екатеринбурга и – шире – Урала, где происходит действие, порождает таинственную мистическую силу, распространяющуюся, впрочем, только в пределах региона, обуславливающую его экзотическую специфичность.

Как мы убедились, географическая пограничность региона и города является несомненным мифогенным фактором, порождающим в современной литературе сюжеты про схватку Запада и Востока или образы иного, таинственного Екатеринбурга, просвечивающего сквозь «реальный» город. Пограничность зачастую связана с понятием централизованности пространства и идеей центра, находящегося в точке силы, которая образуется в том числе за счет схождения разнонаправленных векторов – именно эта концепция доминирует в массовой словесности, обращающейся к образу Екатеринбурга.

Список литературы

1. *Алексеева М. А.* «Объект, к освоению не предназначенный»: пространственная модель мира в романе О. А. Славниковой «2017» / М. А. Алексеева // Литература Урала: история

- и современность: сб. ст. Вып. 4: Локальные тексты и типы региональных нарративов. – Екатеринбург, 2008. – С. 213–221.
2. *Анисимов К. В.* Урал и Сибирь в научной литературе XVIII века: становление поэтики этнографического описания (Г. И. Новицкий, В. Ф. Зуев) / К. В. Анисимов // Литература Урала: история и современность. – Вып. 2. Екатеринбург, 2006. – С. 16–26.
 3. *Батталов О.* Не буди / О. Батталов, С. Петров. – Екатеринбург, 1999.
 4. *Бучельникова Л. А.* Екатеринбург-Свердловск как биографическое пространство в творчестве писателей XXI века / Л. А. Бучельникова, М. А. Литовская // Культура Урала в XVI–XXI вв.: исторический опыт и современность. Кн. 2. – Екатеринбург, 2008. – С. 337–341.
 5. *Иванов А.* Ебург / А. Иванов. – М., 2014.
 6. *Никитин Н.* Бунт/ Н. Никитин. – Пг., 1923.
 7. *Мамин-Сибиряк Д. Н.* Собр. соч.: в 12 т. / Д. Н. Мамин-Сибиряк. – Т. 12. Свердлов., 1951.
 8. *Молотов В.* Урал атакует / В. Молотов. – М., 2011.
 9. *Пастернак Б.* Полн. собр. соч. / Б. Пастернак. – Т. 3. М., 2004.
 10. *Славникова О. А.* 2017 / О. Славникова. – М., 2006.
 11. *Славникова О.* Верхний и нижний пейзажи Екатеринбурга / О. Славникова. – URL: <http://victorcity.narod.ru/Texts/slavnikova.htm>.
 12. *Фарыно Е.* Мифопоэтичность пастернаковских локусов: откуда и как туда попадают как и куда оттуда выбираются / Е. Фарыно // «Любовь пространства...»: Поэтика места в творчестве Бориса Пастернака. – М., 2008. – С. 105–110.